

ОПЕРАЦИЯ "БЕЗУМИЕ"

1

Черт знает до чего самоуверенная физиономия у этого профессора Рэллэта! Ему, конечно, многим обязана наша военная техника, особенно термоядерное оружие, но ведь ему давно уже ни один порядочный ученый руки не подает. А он будто и не замечает этого. Меня, бывшего помощника военного министра, а теперь всего лишь личного советника президента по военным вопросам, он вообще, видимо, считает ничтожеством. Вот и сейчас ведет себя так, будто не президент пригласил его на консультацию, а сам глава государства явился к нему с докладом о положении дел в стране. Ужасно зарвались эти длинноголовые из мозгового центра военных ведомств!

- Что вам известно о гравитационном оружии красных, доктор Рэллэт? - нервно прохаживаясь по кабинету, спрашивает его президент.

- Как, и вы, сэр, верите этому?! - удивленно скидывает густые косматые брови ученый муж.

- А по-вашему, это пропаганда красных?

- Нет, сэр. Это просто нелепость. Такие слухи распространяют люди, невежественные в вопросах науки.

- Я не буду ссылаться на нашу печать - в погоне за сенсацией она слишком часто теряет чувство меры. Ну, а мнение профессора Коллинза? Его ведь очень тревожат эксперименты красных в этой области.

- Эксперименты - да, - снисходительно соглашается Рэллэт. - Но не более того. Науке вообще мало что известно о гравитации. Даже серьезной теории ее до сих пор не существует. Хотя тяготение известно людям, может быть, раньше многих прочих явлений природы, последние полвека эта область науки характеризуется полным отсутствием экспериментальных работ. Этим обстоятельством объясняю я, кстати, и все неудачи в создании единой теории поля.

- А гравитационные теории Поля Дирака и Джона Уилера? - вставляю я, ибо имею некоторое представление о современной физике.

- Всего лишь гипотезы, - пренебрежительно замечает Рэллэт, даже не удостоив меня взглядом.

А меня просто бесит его высокомерие. Знаю, что в разговоре с ним не следует горячиться, но не выдерживаю и произношу почти с вызовом:

- Вам лучше, чем мне, доктор, должно быть известно, что теория не всегда предшествует практике. А что касается гравитационного оружия, то прежде чем отрицать его существование у красных, не мешает вспомнить историю с атомным оружием. Когда-то мы тоже не допускали мысли, что красные овладеют им столь скоро.

- Вы, генерал, вообще, кажется, слишком симпатизируете красным, - холодно роняет Рэллэт.

- И я лично не уверен даже, в состоянии ли вы достаточно объективно информировать президента о наших противниках.

- Предоставьте судить об этом самому президенту, - с трудом сдерживая ярость, произношу я.

Тут бы и сказать президенту хоть что-нибудь в мою защиту, а он молчит. И это очень странно. Я проработал у него около года, и за все это время он не имел повода быть недовольным мною, почему же не хочет произнести теперь хоть слово в мою защиту?

- А мне доподлинно известно, - уже почти с нескрываемой угрозой продолжает Рэллэт, по-прежнему глядя не на меня, а на президента, - что вы неверно информируете президента о военной мощи наших противников и запугиваете главу государства неотвратимостью их ответного удара.

- А вы разве отрицаете такую возможность? - настораживаюсь я.

- У них не должно оставаться времени для осуществления такой возможности. Мы постараемся...

- "Не должно" и "мы постараемся" - это не аргументы, - иронически усмехаясь, прерываю я доктора.

Видя, что дальнейший наш спор может перерасти в открытую ссору, президент останавливается перед Рэллэтом и, любезно улыбаясь, протягивает ему руку.

- Спасибо, доктор. Я вполне удовлетворен вашим ответом на мой вопрос о гравитационном оружии.

Рэллэт тотчас же уходит, даже не удостоив меня кивком головы. Они ведь страшно заняты, эти деятели из мозгового центра нашей военной машины.

- Фанатик, - не без горечи произношу я после довольно продолжительного и тягостного молчания.

Президент неопределенно пожимает плечами. Потом спрашивает:

- А вы считаете, что у красных есть все-таки гравитационное оружие?

- Несомненно! - энергично киваю я, хотя не имею ни малейшего представления о том, какое оно, это оружие. Нужно же, однако, хоть президента предостеречь от безумного шага.

- А их космические средства? - снова спрашивает он.

- Да и эти средства, конечно, - подтверждаю я, догадавшись, что президент имеет в виду существование у красных такого оружия, которое смогло бы автоматически нанести нам ответный удар. - И это не только мое мнение. В этом уверены многие наши ученые, работающие в области военной техники.

- И все это сработает у них, не ожидая специальной команды?

- Даже если уже некому будет подать такой команды. Поэтому-то идея превентивной войны и нелепа, чего никак не хотят понять мои военные коллеги.

Я говорю все это с абсолютной убежденностью в правоте своих слов, хотя, откровенно говоря, не очень уверен, что красные нанесут нам ответный удар с помощью именно космических средств или гравитационного оружия. Я вообще не очень уверен, что наши сведения о средствах обороны красных вполне достоверны. Но за последнее десятилетие красные столько раз удивляли нас своими успехами в области науки и техники, что я всему готов верить. Весьма вероятно даже, что у них имеется и еще более могущественное оружие. В противном случае они не вели бы себя с таким потрясающим хладнокровием и строили бы не новые города, а подземные убежища.

- Но что же нам делать в подобной ситуации?

- Это вам лучше знать, сэр. Вы глава государства, а я всего лишь ваш скромный советник по военным вопросам.

Очень хочется добавить еще, что я не завидую моему президенту, но мне становится жаль его. Что, собственно, он может поделать, если бы даже захотел, когда вся наша страна с помощью пресловутого военно-промышленного комплекса давно уже сломя голову мчится к атомной катастрофе!..

Ракетное оружие и новые дивизии наращиваются теперь совершенно автоматически. Самое же страшное для нашего государства - это даже не ракеты и дивизии, а генералы. Я-то их знаю лучше господина президента! Они не только с подозрением относятся ко всем нашим гражданским властям, но и совершенно убеждены, что все штатские — безнадежные кретины. Очень мудро сказал недавно кто-то из наших государственных деятелей, что в целях государственной безопасности нашим военным министром должен быть лишь такой человек, который, находясь на этом посту, будет подозрительно относиться к мотивам, руководящим действиями военных. Счастье еще, что у нас не один военный министр, а целых три.

Очень хорошо также, что существуют распри между армией, военно-морскими и военно-воздушными силами. Было бы гораздо опаснее, если бы они достигли единодушия.

- Вы допускаете, значит, что кто-то из наших стратегов может решиться нажать "кнопку"? - снова выводит меня из задумчивости президент, все еще нервно прошагивающий по

своему огромному кабинету.

- Это не исключено, - убежденно заявляю я. - Даже если среди них все совершенно нормальные люди.

- А вы думаете, что есть и ненормальные?

- Я лично этому, может быть, и не поверил бы, но один из наших крупных психиатров заявил недавно, что некоторые люди злобны по натуре и им ничего не стоит спустить курок всеобщего уничтожения просто по злобе.

- Как вы посмотрите на то, генерал Рэншэл, если я пошлю вас проинспектировать главный наш бункер, в котором сосредоточено управление почти всеми нашими стратегическими ракетами?

- В логово генерала Фэйта?

- Да, генерал.

- Боюсь, что он меня и близко не подпустит, хотя когда-то считал себя многим мне обязанным.

- Вы поедете туда как мой личный представитель. Я предупрежу об этом Фэйта специальной телеграммой. А вы присмотритесь повнимательней, что там у них творится.

- Слушаюсь, сэр, - вставая, покорно наклоняю я голову и щелкаю по старой привычке каблуками.

2

Лететь приходится в один из наших западных штатов на личном самолете президента. Всю дорогу лезут в голову мрачные мысли.

Вспоминается разговор с одним из крупнейших наших биохимиков, лауреатом Нобелевской премии. Он полагает, что мы совершенно запутались в масштабах и потому готовы выпустить на нашу маленькую планету чудовищные космические силы, рассчитывая спрятаться от них в жалких дырах, именуемых убежищами.

Не мешало бы послушать этого биохимика доктору Рэллэту. Идея нор-убежищ - его ведь идея.

Дернул же черт президента послать именно меня в эту поездку! Наши ультра, пожалуй, в самом деле не пустят меня в свои ракетные бункера, несмотря ни на какие его приказы.

Мы уже миновали первые боевые рубежи ракетных баз, расположенных в западных штатах, и летим дальше. В их бункерах ракеты "второго поколения" типа "Атлас" и "Титан", а президента интересуют огневые позиции межконтинентальных баллистических ракет "третьего поколения" типа "Минитмен", работающих на твердом топливе.

Под крыльями нашего самолета - пустынная равнина, покрытая огромными железобетонными плитами. Каждый клочок прерии просматривается тут с помощью телевизионных камер. Безлюдно вокруг, но стоит только прозвучать сигналу боевой тревоги, как придут в движение гигантские гидравлические подъемники и железобетонные плиты покрытия ракетных бункеров превратятся в колоссальные дверные створки, толщиной около метра и весом до двухсот тонн. Из пятидесятиметровой глубины тотчас же поднимутся покоящиеся там на опорных подушках баллистические ракеты, похожие на шариковые ручки фантастических размеров.

Зеленой ракетой нам подают сигнал к посадке. И вот мы уже поднимаем сизую пыль с бетонных плит. Какой-то майор без особого почтения приветствует меня и просит следовать за ним.

На скоростном лифте опускаемся в чрево командного бункера - в его мозговой центр. Отсюда осуществляется контроль за ракетными эскадрильями при помощи пульта, напоминающего огромный электроорган.

Перед личным бункером генерала Фэйта меня довольно бесцеремонно предупреждают, что войти к начальнику ракетной базы я должен без сопровождающего меня адъютанта.

- Ничего не поделаешь, Гарри, - беспомощно развожу я руками и ободряюще похлопываю капитана Робертса по плечу. - Порядок есть порядок. Подождите меня тут.

- О генерал Рэншэл! - приветливо восклицает Фэйт, устремляясь мне навстречу. - Давненько мы с вами не встречались, старина! Очень рад вас видеть!

Вот уж не ожидал от Фэйта такого радушия. Помнит, значит, что когда-то именно я привез в часть, которой он командовал, приказ о присвоении ему генеральского звания.

- Похоже, что президент послал вас пошпионить за мной, - добродушно посмеивается Фэйт, кивая мне на кресло. - Бойтся, как бы я или кто-нибудь из моих молодцов не нажал на роковые "кнопки"?

- Ну, зачем же... - улыбаюсь я. - Ему просто хочется знать, какова готовность нашего глобального оружия к операции "Возмездие".

- А о каком возмездии можно говорить в наше время? - простодушно удивляется Фэйт. - Кто нанесет первый удар, тот и будет прав, и ни о каком ответном ударе, а следовательно, и о возмездии не должно быть и речи.

- Вот президент и хотел бы знать...

- Что еще знать? - бесцеремонно перебивает меня Фэйт. - Он и так хорошо знает, что мы уже в состоянии нанести такой удар и медлить с этим просто рискованно - слишком велико напряжение... и соблазн.

- А разве кто-нибудь, у кого сдадут вдруг нервы, сможет один, без дублирования, нажать "кнопку"?

Я хорошо знаю, что никаких "кнопок" в железобетонных капсулах, в которых находятся пункты управления звеньями из десяти межконтинентальных баллистических ракет, не существует. Их заменяют ключи, вставляемые в гнезда пусковых панелей. Но, видимо, Фэйту больше по душе слово "кнопка", и я не хочу вносить своих поправок в его терминологию.

- Один не нажмет, конечно, - с непонятным мне раздражением произносит Фэйт. - Теперь все, к сожалению, дублируется. Но нервы могут сдать и у тех, кто подает команды из постов управления ракетными эскадрильями... Мы каждый день репетируем боевую тревогу, и в капсулах проделывают все, что требуется для запуска ракет. Однажды это может, конечно... Во всяком случае, не исключено... Да и кто знает — безумие или разум могут толкнуть на это?..

Меня очень тревожат и речь и жестикуляция Фэйта. Смысл слов его путаный, а руки нервно дергаются все время. Особенно указательный палец. Будто непрестанно нажимает он какую-то невидимую кнопку.

- Так где же выход? - спрашиваю я, тоже начиная нервничать.

- Не знаю, не знаю... - совсем уже невнятно бормочет Фэйт. - Самым идеальным было бы, конечно, если бы какой-нибудь неврастеник решился наконец... И дело бы с концом! Ну, ну, генерал, я шучу! Да и неврастеников у меня не осталось. Каждую неделю медосмотр. Недавно, правда, один чуть не нажал... Психиатры его проморгали. Он был болен не по их специальности, так сказать. У него был рак в неизлечимой форме. И вот ему захотелось отправиться на тот свет не в одиночку, а со всей планетой...

- Вы же мечтали о таком безумце, - с трудом сдерживая раздражение, произношу я, чувствуя себя не в реальном мире, а почти на том свете.

Фэйт не находит, видимо, нужным отвечать на мой вопрос.

Весь следующий день я осматриваю сооружения ракетной базы в сопровождении генерала Фэйта. Сегодня он гораздо спокойнее. Вчерашней говорливости его как не бывало. Объяснение новой техники дает мне один из его помощников, полковник Браун. Я стараюсь не задавать лишних вопросов. Мне, однако, все время кажется почему-то, что Фэйт сам

хочет спросить меня о чем-то. И он действительно спрашивает вскоре:

- Послушайте, Рэншэл, вы поближе к нашему мозговому центру: что они там болтают о каком-то гравитационном оружии красных?

- Об оборонительном гравитационном оружии, генерал, - поправляю я Фэйта.

- Действительно, значит, говорят об этом?

- Да, поговаривают.

- И что же это такое?

- Этого пока никто не знает. Одни предположения только...

Генерал Фэйт молчит некоторое время, потом кивает Брауну:

- Позовите-ка майора Прайса, полковник.

- Слушаюсь, сэр.

- Прайс - это доктор физико-математических наук, - поясняет Фэйт, как только Браун уходит выполнять его поручение. - Он, конечно, такой же военный, как я балерина, но нам был нужен серьезный математик, и мы нарядили его в форму майора. Все еще никак не привыкнет к ней. Ученый он, однако, настоящий, и у него есть кое-какие соображения о гравитационном оружии.

Майор Прайс действительно оказывается очень щуплым, явно невоенным человеком в старомодных очках. Приветствуя меня, он подносит руку к козырьку своей фуражки так неумело, что я с трудом сдерживаю улыбку.

- Генерал Рэншэл хочет потолковать с вами о гравитационном оружии, майор Прайс, - обращается к нему Фэйт. - Узнать вашу точку зрения на этот счет.

- Я плохой специалист по вопросам оружия, - смущенно пожимает плечами Прайс.

- Ну, а возможно ли оно в принципе? - спрашиваю я. - Многие ведь отрицают...

- Знаю, знаю, - оживленно перебивает меня Прайс. - Читал эти возражения. Меня они ни в чем не убедили, и я по-прежнему не сомневаюсь, что силами гравитации можно овладеть.

- Но ведь ученые уверяют, что они ничтожны.

- Напрасно, - укоризненно покачивает головой доктор Прайс. - Энергия носителей сил тяготения - гравитонов ничтожна, конечно. Но известно ли вам, что гравитоны, подобно нейтрину, почти не поглощаются? Сколько же должно накопиться их за время существования вселенной?

- А это разве известно?

- Очень приблизительно, конечно, но известно, - близоруко щурится доктор Прайс. - Предполагается, что плотность гравитационных волн во вселенной равняется плотности энергии или соответствующей ей массе всей обычной материи в виде звезд, планет, туманностей и космической пыли.

- Но ведь это чудовищно! - восклицаю я, так как впервые слышу подобное заявление из уст серьезного ученого.

- А из этого следует, что энергия эта всюду, - продолжает доктор Прайс, - нужно только научиться концентрировать ее.

- И вы думаете, что красные научились это делать? - спрашивает Фэйт.

- Весьма возможно. Во всяком случае, я не удивился бы этому.

- Значит, разговоры об их гравитационном оружии имеют какое-то основание?

- Безусловно, - энергично кивает головой доктор Прайс. - Но оружие это главным образом оборонительное.

- А почему же нет его у нас? - спрашиваю я.

- Да потому, что мы не собираемся обороняться! - опережая Прайса, возбужденно восклицает Фэйт.

- Но при подобной ситуации нападать на красных тоже ведь нелепо, - усмехается Прайс с таким ехидством, которого я от него никак не ожидал. - Это было бы подобно самоубийству...

- Спасибо вам за консультацию, майор Прайс, - прерывает его генерал Фэйт уже официальным тоном. - Я не задерживаю вас больше.

- Скажите мне откровенно, генерал Рэншэл, - обращается он ко мне, как только Прайс уходит, - знает президент об этом гравитационном оружии красных или ему ничего о нем неизвестно?

- Консультанты президента уверяют его, что такое оружие просто невысказано, - отвечаю я.

- Я не знаю его консультантов, но для меня вполне достаточно мнения доктора Прайса по этому вопросу. Такого оружия, может быть, и нет еще пока у красных, но ведь оно может появиться. Разве не следует из этого, что нам нельзя терять времени?

Он не развивает своей мысли, но мне и так все понятно, и я не спрашиваю его ни о чем.

4

Просто не знаю, что доложить президенту: сообщить, может быть, что все в порядке?..

Решительно распахиваю дверь его кабинета и невольно застываю на месте, пораженный видом главы государства. Откинувшись на спинку кресла, президент судорожными движениями непослушных пальцев пытается сорвать с себя галстук. С ним явно плохо. Бросаюсь к сифону с газированной водой, но президент жестом останавливает меня.

Никак не могу понять, что с ним такое. И как теперь быть с докладом? Отложить, может быть, на другое время? Но обстановка ведь очень серьезна. Во всяком случае, у меня нет никакой уверенности в том, что может произойти не только через день, но и через час...

- Я выполнил ваше поручение, сэр, - произношу я, наконец, каким-то чужим голосом. - Побывал у генерала Фэйта. Положение внушает мне тревогу. Боюсь, что именно он может нажать роковую "кнопку"...

- Уже!.. - хрипит президент.

- Не понимаю, сэр.

- Фэйт уже нажал ее! Его насторожило, видимо, ваше посещение. Показалось, наверно, что мы собираемся удалить его от "кнопок". И он нажал!.. Наши ракеты летят уже за океан. Неизвестно сколько, но летят... И это самое ужасное, что неизвестно сколько.

- А разве нельзя...

- В том-то и дело, что нельзя! - прерывает меня президент. - О запуске ракет сообщил полковник Браун, и связь с базой генерала Фэйта сразу же прервалась. Восстановить ее до сих пор не удалось.

- Но ведь красные предпримут ответные меры... Нужно же что-то делать... Предупредить население...

Задыхаясь, я бросаюсь к телефону, но президент снова останавливает меня.

- Наверно, уже объявлена атомная тревога. Она загонит всех в убежища. Поспешим и мы. Поторапливайтесь же, генерал! - теперь уже буквально рычит президент, хватая меня за руку и увлекая из своего кабинета.

...Убежище президента большое, из нескольких помещений - настоящий подземный дворец. Холами сообщения оно соединено с убежищами министров и других членов правительства.

В подземелье президент заметно успокаивается, видимо, чувствуя себя здесь в значительно большей безопасности. Ему негромко докладывает что-то государственный секретарь.

- Ну и что они ответили? - спрашивает его президент. - Ничего пока? Тогда, может быть, дать еще несколько залпов?.. Уже поздно теперь?..

- Не только теперь, но и тогда было бы поздно, - вмешивается в разговор начальник генерального штаба. - Нужно было сразу — всеми ракетными эскадрильями, чтобы не дать им времени опомниться. А теперь они уже запустили, наверно, свои...

- Но ведь наш государственный секретарь почти тотчас же известил их, что это несчастный случай.

- А поверят ли? Где гарантия, что это не хитрость с нашей стороны?

- Но в их сторону действительно летят лишь десять наших ракет. Это установлено теперь

довольно точно.

- Этого, во-первых, они еще не знают. А во-вторых, это может быть расценено как обманный маневр с нашей стороны.

- А наши ракеты разве не достигли еще их границ? - спрашивает президент почему-то у меня.

- Едва ли. Скорее всего они где-нибудь на полпути, - отвечаю я, почти зримо представив себе, как наши ракеты, медленно разогнавшись в стартовом участке своего пути, со все большим ускорением устремились вверх, пробив по кратчайшему расстоянию плотные слои атмосферы. Миновав участок выведения с работающими двигателями, система управления ракетами отклонила их затем от вертикального направления в сторону цели под заданным углом к горизонту.

Президент некоторое время нервно ходит по толстому ковру убежища. Потом спрашивает что-то у секретаря. А меня даже не интересует, о чем могут они разговаривать. У меня такое состояние, будто я сам лечу туда, за океан, вместе с нашими ракетами. В их двигатели давно прекращена подача топлива и полет теперь неуправляем, ибо аэродинамические рули из-за небольшой плотности атмосферы не играют уже никакой роли. Какую высоту они набрали? Более тысячи километров, наверно, а скорость, конечно, не менее семи километров в секунду. Значит, весь пассивный участок своей траектории пройдут они примерно за полчаса.

Никакая сила уже не вернет эти чудовища назад. Они летят почти с космической скоростью, и только поле тяготения Земли не дает им оторваться от планеты, заставляя описывать вокруг нее эллиптическую кривую, зависящую лишь от скорости их полета и угла бросания.

Убежище президента между тем наполняется людьми, но я вижу их, как во сне. Кто-то звонит по телефону, что-то докладывают президенту о состоянии противовоздушной обороны, а мне кажется, что я слышу только тиканье моих часов - так возбуждены мои нервы.

Ракеты пролетели уже пик своей траектории, достигнув наибольшей высоты. Теперь они приближаются к Земле на противоположном полушарии, и скорость их, частично утраченная под влиянием поля тяготения планеты, снова начнет возрастать...

Меня спрашивает о чем-то президент, но теперь тут доктор Рэллэт, он лучше меня сможет ответить на все его вопросы.

А ракеты уже над целью, наверно. Входя в плотные слои атмосферы, они постепенно затормаживаются. Стабилизируется и их положение относительно цели. Они летят теперь носовой частью вперед...

Но что это за шум в убежище президента? Почему так возбужден доктор Рэллэт? Что кричит ему президент? Почему так грохочет радио? И что это за музыка? Гимн... Государственный гимн красных! У них сейчас полночь, значит это пробили их куранты и теперь исполняется гимн. Что же это такое, однако?

- Что же это такое, доктор? - различаю я, наконец, разъяренный голос президента. - Может быть, Фэйт пошутил над нами? Почему у красных такое спокойствие? Мне только что доложили, что строго по объявленной программе работают абсолютно все их станции. В чем же дело, черт вас поberi!

- Не знаю, сэр... - еле слышно бормочет Рэллэт. (Куда девалась вся его самоуверенность?) - Не могу ничего понять... Не сомневаюсь только, что "кнопка" была нажата и ракеты стартовали. Их полет засекли наши радиолокационные установки.

- Но куда они полетели? Не на Луну же?..

- Может быть, и на Луну, - теперь уже совершенно спокойно и даже не без злорадства произношу я. - Генерал Фэйт так торопился, что впопыхах мог задать им и вторую космическую скорость.

- Кто производил расчет их траекторий? - продолжает допрашивать Рэллэта президент.

- Электронно-счетные машины по координатам, приготовленным офицерами Фэйта. Всего несколько дней назад я проверял эти расчеты и ручаюсь, что начальная скорость полета

ракет и оптимальный угол их бросания были высчитаны правильно. Не сомневаюсь я и в работе органов управления ракетами.

- А в таком случае остается допустить, что у красных действительно есть гравитационное оружие, - заключаю я.

- И ракеты, значит, летят теперь в нашу сторону? - спрашивает кто-то дрожащим голосом.

Я не отвечаю ему. И без того не ясно разве, что летят они теперь к нам? Вижу, как бледнеют лица государственных деятелей, окружающих президента. Невольно горбится, вбирая голову в плечи, и сам президент.

А я уже почти не сомневаюсь больше, что у красных в самом деле есть гравитационные установки. Видимо, они разбросаны по всей территории стран их лагеря и отрегулированы так, что всякое тело, летящее в верхних слоях атмосферы со скоростью, близкой к первой космической, вызывает их возбуждение. А межконтинентальные баллистические ракеты и не могут ведь летать с меньшими скоростями. С большими же они неизбежно превратятся в спутников или вообще покинут нашу планету. Овладев тайной гравитационных сил, красные с помощью своих автоматически действующих установок мощными импульсами увеличили, конечно, скорость наших ракет. Вне всяких сомнений, они летят теперь в нашу сторону.

- Но позвольте, - неуверенно замечает пришедший, наконец, в себя президент, - если даже они действительно летят в нашу сторону, разве следует из этого, что непременно должны упасть на нас? Гравитационные установки красных, придав им дополнительную скорость, могли же превратить их и в спутников нашей планеты.

- А я все-таки скорее готов допустить возможность ошибки в расчете их траекторий, чем наличие у красных подобных установок! - ни на кого не глядя, упрямо произносит Рэллэт.

- Рано еще делать окончательные выводы, - раздается чей-то трезвый голос. - Нужно сначала дождаться сигналов наших радиолокационных станций дальнего обнаружения и опознавания. Они должны засечь ракеты, запущенные Фэйтом, как только хоть одна из них появится вблизи наших границ.

- Ну что ж, - соглашаюсь я, взглянув на часы. - Ждать теперь осталось недолго. Хотя неизвестен еще период их обращения, думаю все же, что появятся они не позже, чем через полчаса.

5

Конечно же, мне очень хочется, чтобы никаких ракет над нами не появлялось. Я надеюсь даже, что они получили от гравитационных установок красных такое ускорение, от которого приобрели не первую, а вторую космическую скорость и, может быть, уже летят теперь в сторону Луны или Марса. Зыбкая надежда эта рассеивается, однако, очень скоро - военный министр приносит сообщение, что радиолокационная система сверхдальнего обнаружения засекла их только что в нашем полушарии.

Что теперь толку в разносе, который учиняет президент Рэллэту? Вместо этого нужно бы немедленно арестовать Фэйта и потребовать у него все расчетные данные по запуску и корректировке ракет. От этого многое зависит. Будем знать по крайней мере, действительно ли была допущена ошибка нашими ракетчиками или у красных на самом деле есть какие-то мощные противоракетные средства. Я собираюсь уже подать президенту такой совет, но тут, чуть не сбив меня с ног, вбегает адъютант военного министра и докладывает:

- Генерал Фэйт застрелился, сэр!..

- Этого только не хватало! - драматически всплескивает руками президент. - А расчеты?.. Кто там у них производил расчеты траекторий этих злосчастных ракет?

- Всей системой счетно-решающих устройств и программированием траекторий ракет ведал полковник Браун. Но беда в том, что генерал Фэйт, видимо считая Брауна виновником всех бед, прежде чем покончить с собой, пустил сначала пулю в него. Наш психиатр, доктор Крафт, наблюдавший за генералом Фэйтом, уже давно ведь считал его психически

неполноценным.

Кто-то из советников президента робко спрашивает его:

- Можем мы теперь выбраться, наконец, из этого склепа?

- Откуда я знаю, - раздраженно машет рукой президент. - Спросите у доктора Рэллэта, он у нас крупнейший специалист по термоядерным войнам. А я не знаю даже, президент ли я еще или нам вообще не нужно больше президента...

- Вас, значит, волнует только это? - обнажает в ехидной усмешке желтые зубы Кроуфорд, председатель сенатской комиссии по расследованию деятельности правительственных органов. - А упадут ли на нас наши ракеты, вас, значит, не интересует?

- Разве кто-нибудь знает это, кроме бога? - удивляется кто-то из набожных сенаторов.

- Они могут упасть на нас с такой же вероятностью, как и на красных, - не очень уверенно замечает Рэллэт.

- А я все-таки думаю, что они упадут только на нас, - возбужденно заявляю я.

- Почему же? - теперь уже на меня скалит зубы Кроуфорд. - Вам разве не хочется, чтобы они упали на красных?

- Этого не хочется прежде всего самим красным, - огрызаюсь я. - Для этого-то они и создали свои гравитационные установки.

- А если у красных нет таких установок?

- Тогда у них есть еще что-нибудь такое, что позволяет им сохранять спокойствие, - упрямо стою я на своем.

- О господи! - истерически заламывает руки все тот же набожный сенатор. - Неужели же все вы потеряли рассудок от страха? О чем вы спорите? Раз на красных не упали наши ракеты и летят теперь в нашу сторону, то и упадут, значит, на нас.

- В том-то и дело, мистер Даусон, что не упадут пока, - объясняет военный министр. - Прежде они покружатся какое-то время вокруг нашей планеты. Упадут ли затем на нас или на красных, будет зависеть от координат их орбиты.

- Настоящий дамоклов меч! - вздыхает кто-то. - Сиди, значит, теперь в этих крысиных норах и жди, когда обрушатся на тебя свои же термоядерные чудовища?

- А зачем же гадать, на кого и когда они обрушатся? - спрашиваю я. - Для того чтобы узнать это, достаточно дать задание нашим электронным машинам, и они совершенно точно вычислят это.

Президент резко поворачивается к доктору Рэллэту.

- Ваше мнение, доктор?

- Генерал Рэншэл прав - электронным вычислительным машинам под силу такая задача. При условии, конечно, что ракеты летят теперь лишь по инерции и не подвергаются воздействию гравитационных установок красных. Я лично совершенно уверен, что так оно и есть на самом деле.

Видимо, генерал Фэйт действительно поторопился нажать "кнопку" и ошибся в расчете траекторий наших ракет. Весьма возможно также, что подвела его электроника. Случалось ведь такое...

На какое-то время убежище президента погружается в тишину. Нетрудно догадаться, о чем думают загнанные в подземелье люди. Да они и не скрывают этого. А вон тот почтенный сенатор, стоящий лицом к совершенно голой стене, наверно, вообще потерял способность думать про себя.

- Что же это получается такое? - растерянно бормочет он. - Если у красных действительно имеется гравитационное оружие, то как бы и чем бы мы в них ни стреляли, это равносильно стрельбе в собственную голову...

- Да что вы бубните все о каких-то гравитационных установках?! - возмущается начальник генерального штаба. - Красные могли какими-нибудь импульсами просто нарушить работу всех приборов системы управления нашими ракетами. От этого все данные, поступающие в их счетно-решающее устройство от акселерометров и интеграторов, ни черта уже не стоили бы, конечно. Мало того... Э, да что теперь говорить об этом!

- А я все-таки думаю, что у красных есть гравитационное оружие, - упрямо трясет головой сенатор. - В противном случае они не ограничились бы одним только расстройством системы управления наших ракет, а обрушили бы на нас свои ракеты. Я вообще молю теперь бога, чтобы у них было именно гравитационное оружие...

- Да вы, видно, совсем спятили! - возмущается начальник генерального штаба.

- Нет, господин генерал, я не только не спятил, а напротив, поумнел за это время. И я бы посоветовал нашему президенту незамедлительно обратиться с посланием к красным и попросить их с помощью этих гравитационных установок вышвырнуть наши злосчастные ракеты за пределы планеты. С этого, кстати, можно было бы и начать первый этап всемирного разоружения...

Проходит еще один полный тревог день. Только к концу его самым совершенным нашим машинам в Главном вычислительном центре удается с достаточной точностью определить, куда же в конце концов упадут ракеты. И в тот же день, несмотря на позднее время (уже почти в полночь), собирается экстренное заседание конгресса. Слово для сообщения о результатах вычислений предоставляется директору вычислительного центра доктору физико-математических наук Свифту.

Видимо, стараясь хоть как-нибудь смягчить неблагоприятные результаты вычислений, Свифт начинает издали, но его тотчас же перебивают выкриками:

- Ближе к делу, доктор!

- На кого они упадут в конце концов, черт их побери!

- Может быть, действительно как-нибудь покороче? - шепчет доктору Свифту председательствующий.

- Хорошо, джентльмены, я скажу совсем коротко. Не стану даже комментировать своего сообщения. Ракеты упадут на наш континент, господа!

Несколько секунд длится буквально гробовая тишина. Нарушает ее чей-то истерический вопль:

- Доигрались!..

- Но, позвольте, разве их нельзя сбить? - спрашивает кто-то из конгрессменов. - Есть же какие-то противоракетные средства? Мы без конца ассигновали деньги на их усовершенствование.

- Генерал Фэйт запустил как раз такие ракеты, которые нельзя сбить никакими антиракетами, - отвечает на его вопрос военный министр. - Во всяком случае, на испытаниях они были признаны неуязвимыми.

- Остается, значит, уповать только на господ бога?..

- А ведь еще совсем недавно один мудрый человек, известный наш ученый, предупреждал нас, - мрачно произносит сидящий со мной рядом старик с профессорской внешностью. - Если у нас все еще мышление пещерного человека, заявил он, то мы можем избежать катастрофы, поняв лишь одно: наука уничтожила расстояния и все мы живем теперь в одной пещере, на стене которой давно уже следовало повесить записку:

"Играть с атомными бомбами в этой пещере строго воспрещается"!